

И.Е. Суриков

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В АФИНАХ КОНЦА V в. до н. э. И АМНИСТИИ КАК СРЕДСТВО ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ*

В конце V в. до н. э. Афины пережили тяжелейший внутренний конфликт. Он развертывался между сторонниками демократии и ее противниками (олигархами), достиг весьма высокого накала и в конечном счете вылился (в 404–403 гг. до н. э.) в полномасштабную гражданскую войну. В контексте конфликта государство несколько раз обращалось к амнистии. Впрочем, амнистия может быть не только средством разрешения конфликта, но и средством его эскалации: всё зависит от набора конкретных условий. Так было и в афинском полисе рассматриваемого периода: если амнистия 404 г. до н. э. только усугубила противостояние, то совсем иной результат имела амнистия 403 г. до н. э., после которой наступил весьма долгий (до самой ликвидации демократии македонянами в 322 г. до н. э.) период завидной стабильности, отсутствия смут. Именно эта амнистия в статье рассматривается наиболее детально; в частности, ставится вопрос о том, была ли она продиктована правовыми или политическими мотивами. Второй из двух ответов на этот вопрос представляется более вероятным. Приводятся данные о нескольких судебных процессах, имевших место сразу после амнистии и представлявших собой попытки обойти ее. Одним из таковых был известный суд над Сократом: хотя в последнее время в историографии заметна тенденция отрицать его скрытую связь с политикой (официально философ обвинялся в религиозных преступлениях), в действительности свидетельства источников дают основания утверждать, что противники Сократа преследовали его прежде всего как политического оппонента, поскольку он жестко критиковал тогдашнюю демократию. В заключение высказывается мысль о том, что не разряжает ситуацию, а приводит к ее обострению такая амнистия, которая навязана внешней силой, а не выросла из внутренних потребностей данного общества (это относится к амнистии 404 г. до н. э.).

Ключевые слова: классическая Греция, Афины, конфликт, амнистия, демократия, олигархия, судебные процессы

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00024, <https://rscf.ru/project/23-28-00024>.

В конце V в. до н. э. Афины пережили, в дополнение к многолетней Пелопоннесской войне, проигранной ими и значительно подорвавшей их силы, еще и тяжелейший внутренний конфликт, который во многом и сам был порождением войны (Суриков 2024). Ранее, с момента своего возникновения в 507 г. до н. э. и вплоть до 411 г. до н. э., афинская демократия отличалась редкостной стабильностью. На протяжении почти века не было ни одного (!) государственного переворота, ни даже попытки такового. Но всё изменилось чуть ли не в один момент, что особенно заметно по контрасту: после длившегося 96 лет периода спокойного развития за десятилетие 411–401 гг. до н. э. имели место целых семь переворотов (перечень см.: Суриков 2022. С. 220–222).

Суть конфликта, о котором идет речь, можно вкратце определить как борьбу между сторонниками демократии и ее противниками (олигархами, как их обычно называют). Перевороты рассматриваемого периода были обусловлены прежде всего внутренними причинами, а не внешними, как афинские же перевороты конца IV в. до н. э., ставшие следствием македонского диктата (различие прослежено в: Lehmann 1995). В чем, однако, заключались эти внутренние причины? Обычно (и вполне оправданно, на наш взгляд) их трактуют следующим образом: демократия в Афинах, двигаясь в сторону всё большей радикализации, во времена Пелопоннесской войны фактически переродилась в охлократию, направляемую демагогами. В политическом словаре классической эпохи, правда, термин «охлократия» еще отсутствовал, и Аристотель использует формулировку «крайняя демократия» (ἡ δημοκρατία ἡ ἐσχάτη – Arist. Pol. V. 1312b36). Именно ей он при разборе различных типов демократического устройства дает просто-таки уничтожающую характеристику¹ (Arist. Pol. IV. 1292a4–36), уподобляя ее во многом беззаконной тирании демоса, простонародья. Справедливо считается, что, говоря о «крайней демократии», Стагирит описывает именно афинскую демократию последней трети V в. до н. э.

¹ Приведем несколько выдержек из этой характеристики («Политика» Аристотеля цитируется в переводе С.А. Жебелева): при крайней демократии «...верховная власть принадлежит не закону, а простому народу... Достигается это через посредство демагогов. В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законе, появляются демагоги... В этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и лстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию... И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании... По-видимому, такого рода демократии можно сделать вполне основательный упрек, что она не представляет собой государственного устройства: там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства».

Позже, в IV в. до н. э., согласно преобладающей точке зрения, демократия стала более умеренной, поскольку из «эпохи смут» были извлечены некоторые уроки, позволявшие не делать прежних ошибок. Господство демагогов на уровне внешней политики зарекомендовало себя как неэффективное руководство (Osborne 2003. Р. 257) – достаточно вспомнить поражения на Сицилии и при Эгоспотамах, – а на уровне внутриполитическом те же демагоги, начиная с Клеона, развязали настоящую «охоту на ведьм», повсюду отыскивая антидемократические заговоры, и что самое главное, отыскивая, в общем-то, безосновательно (Rhodes 2015. Р. 29–30). Громкие судебные процессы (о повреждении герм и профанации мистерий в 415 г. до н. э., о стратегах, выигравших Аргинусское сражение, в 406 г. до н. э.) привели к смертным приговорам для десятков невинных афинян, принимались на веру доносы самого сомнительного свойства, даже прозвучала (из уст демагога Писандра, позже перешедшего в олигархический лагерь) совершенно беспрецедентная инициатива – *пытать* (!) свободных людей, афинских граждан, даже членов Совета Пятисот (Andoc. I. 43)². Прежде всего представители элиты подвергались преследованиям со стороны демагогов, поскольку эти последние позиционировали себя как защитников и покровителей простых, ординарных граждан и ассоциировали себя с ними, то есть с народными массами (Simmons 2023. Р. 39–58).

Сама демократия в рассматриваемое время стала восприниматься политической мыслью как господство бедноты над «порядочными людьми». К. Джойс в недавней книге об амнистии 403 г. до н. э., к которой нам в дальнейшем еще не раз предстоит апеллировать, указывает, что в Афинах последней трети V в. до н. э. существовало два противостоящих друг другу понимания демократии: как власти всех граждан, являющихся равными, и как власти простонародья, даже власти черни, которая притесняет знатных и богатых³ (Joyce 2022. Р. 40–41). Первой из этих трактовок придерживались, естественно, сторонники демократии (см. прежде всего «Надгробную речь Перикла», Thuc. II. 35–46), второй же – ее противники. Она предельно четко прочитывается, например, в олигархическом памфлете Псевдо-Ксенофонта «Афинская полития» (Ps.-Xen. Ath. pol. I. 1; 2. 20 и др.; ср. комментариев в: Maier, Rhodes 2015. Р. 138–142). Позже, в IV в. до н. э., именно эта трактовка в «Политике» Аристотеля уже посту-

² Применительно к процессам 415 г. до н. э. пароксизмы нарушения законности удачно рассмотрены в: Youni 2024. Суд над стратегами в этой статье тоже охарактеризован (кратко, но выразительно) как «общепризнанная парадигма процедуры, противозаконной во всех отношениях» (Ibid. Р. 46). Попытка Д. Гиша доказать, что в ходе процесса 406 г. до н. э. серьезных нарушений правовых норм не было (Gish 2012), оказалась откровенно неудачной.

³ Соответственно, и понятие «демос» могло применяться как к гражданскому коллективу полиса в целом, так и к его незнатной части (Hansen 2010. Р. 502–503).

лируется как нечто само собой разумеющееся (Arist. Pol. III. 1279b17 – 1280a4: «То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство (πενία καὶ πλοῦτος)... Где правят неимущие (οἱ ἄποροι), там перед нами демократия).

К. Джойс акцентирует один из важных факторов, порождавших конфликт в Афинах в «эру демагогов»: «Со времени Клеона до смерти Клеофонта... суды впервые стали полем политических боев между соперничающими полководцами и политиками» (Joyce 2022. P. 31). Слово «впервые», пожалуй, употреблено здесь чрезмерно категорично. Отдельные случаи использования судов в качестве политического оружия против конкурентов зафиксированы и ранее обозначенного Джойсом хронологического отрезка, – например, в конце 460-х гг. до н. э. группировкой Эфиальта и Перикла против Кимона (Plut. Cim. 14–15). Но нельзя не согласиться с тем, что именно начиная с Клеона первого из знаменитых демагогов – интенсивность такого применения дикастериев многократно возросла.

Политизация судебной системы, разумеется, была безусловным злом; с этого и берет исток деградация афинской демократии в охлократию. В результате протекавших процессов доверие к гелиее как гаранту законности подрывалось. Заметим, что судебные преследования особенно часто направлялись демагогами против магистратов⁴. Это, помимо прочего, было и в техническом смысле легче всего: каждое должностное лицо по истечении срока пребывания на своем посту должно было сдать отчет (εὔθυνα), а процедура приема такого отчета являлась одним из видов судебного процесса (Carawan 1987), что и давало возможность для каких угодно обструкций, поскольку, как известно, при большом желании можно придаться к *любому* отчету, найти в нем те или иные недостатки. Не случайно, как констатирует К. Джойс (Joyce 2022. P. 32), в числе главных лозунгов противников радикальной демократии присутствовали требования уменьшения самовластия судов и восстановления авторитета магистратов: ведь последние просто не могли чувствовать себя уверенно в условиях, когда над ними постоянно нависал «дамоклов меч» осуждения.

⁴ Так, после неудачи первой сицилийской экспедиции 427–424 гг. до н. э. командовавших афинской эскадрой стратегов (Пифодора, Софокла и Евримедонта) судили и (явно безосновательно) признали виновными, приговорив к суровым наказаниям (Thuc. IV. 65. 3). Не приходится сомневаться в том, что процесс был делом рук Клеона (Cataldi 1996). Велика вероятность и того, что именно Клеон был инициатором осуждения стратега Фукидида, будущего историка (Rhodes 2006. P. 523).

Разложившаяся таким образом демократия теряла свою, как выражаются, социальную базу. По наблюдениям Х. Хефтнера, посвятившего специальную монографию перевороту 411 г. до н. э. (Heftner 2001), от нее отшатнулись средние слои гражданского населения (ведь они несли на себе, пожалуй, главные тяготы войны). Эти люди, ранее бывшие безусловными сторонниками демократического устройства, теперь поддерживали его ликвидацию и установление олигархического режима. Впрочем, они в нем быстро разочаровались (коллегия Четырехсот, взявшая власть в свои руки, не смогла оперативно обеспечить какие-то позитивные перемены); а, с другой стороны, в Афинах оставалось немало и ревностных демократов, для которых само слово «олигархия» было настоящим жупелом. В особенной степени таковые преобладали во флоте (экипажи триер комплектовались из бедных граждан), который во время переворота находился на Самосе и, как известно, не признал нового правительства.

Конфликт в афинском полисе достиг весьма высокого накала и в конечном счете вылился (в 404–403 гг. до н. э.) в полномасштабную гражданскую войну. В контексте конфликта государство несколько раз обращалось к амнистии. Впрочем, как мы замечали в работе, расширенным вариантом которой является данная статья (Суриков 2023), амнистия может быть не только средством разрешения конфликта, но и средством его эскалации: всё зависит от набора конкретных условий. В данном случае только последняя из проведенных амнистий стабилизировала обстановку. Но будем двигаться по порядку.

В этической, политической и правовой мысли самых разных эпох амнистия оценивается как мера сугубо положительная, в частности, в конфликтных ситуациях позволяющая смягчить начавшийся конфликт, приблизить наступление компромисса. Так воспринимали амнистию и античные греки (у них этот концепт передавался выражением $\mu\eta\ \mu\nu\eta\text{-}\sigma\iota\kappa\alpha\kappa\epsilon\iota\nu$ – «не мстить», см.: Natalicchio 1997). Первая известная в истории Эллады амнистия (полный список амнистий до конца классического периода, о которых сохранились сведения в источниках, см. Dreher 2013. S. 86–92), была проведена знаменитым афинским законодателем Солоном в 594 г. до н. э., перед началом его достаточно радикальной реформаторской деятельности. Афины в тот момент страдали от внутренней смуты (стасиса), которая могла помешать делу реформ. Условия солоновской амнистии (Plut. Sol. 19) предполагали восстановление в гражданских правах тех, кто их был ранее лишен (за исключением лиц, совершивших наиболее серьезные преступления); это должно было поставить преграду на пути интенсификации стасиса, сплотить граждан-

ский коллектив афинян. Кстати, осуществленная Солоном в том же году сисахфия (полное списание всех долгов) в каких-то отношениях тоже напоминает своеобразную амнистию. Широкую известность получила и амнистия 480 г. до н. э. – во время Греко-персидских войн, незадолго до Саламинской битвы, – когда позволение досрочно вернуться на родину получили политики, в предыдущие годы изгнанные на десять лет посредством ostracism (Arist. Ath. pol. 22. 8), в том числе Аристид, прозванный «Справедливым».

Вполне естественно, что в периоды смуты, конфликта у греков наиболее актуальным оказывался лозунг *ὁμόνοια* («согласие, единомыслие»), и именно в такие времена особенно часто прибегали к амнистиям. Так, в Афинах на протяжении 405–403 гг. до н. э., когда внутривластительная обстановка являлась предельно бурной и нестабильной, амнистии проводились три раза (эта «эра амнистий» наиболее детально исследована в: Sarawan 2013). Но результаты, к которым они привели, были неодинаковыми.

Первая из трех амнистий, о которых идет речь, имела место в 405 г. до н. э. (после разгрома афинского флота спартанцами при Эгоспотамах) благодаря так называемому декрету Патроклида. О ней кратко сообщает Ксенофонт («они даровали полную амнистию всем лишенным прав состояния», Xen. Hell. II. 2. 11)⁵, а оратор Андокид в речи «О мистериях» сохранил полный текст декрета (Andoc. I. 77–79)⁶. Последний предусматривал возвращение гражданских прав лицам, лишенным их (подвергнутым атии), но не изгнанным, в связи с чем Андокид так специально и оговаривает: «...По этому постановлению вы (афиняне. – И. С.) возвратили права тем, кто был подвергнут атии (τοὺς ἀτίμους ἐπιτίμους ἐποίησατε). Что же касается находившихся в изгнании (τοὺς δὲ φεύγοντας), то ни Патроклид не предложил их возвратить, ни вы

⁵ «Греческая история» Ксенофонта цитируется в имеющемся русском переводе С.Я. Лурье, который, к сожалению, местами отличается некоторыми вольностями, отступлением от формулировок оригинала. Так, и в данном случае у Ксенофонта нет лексемы «амнистия» как таковой, а дословно сказано: τοὺς ἀτίμους ἐπιτίμους ποιήσατες. Таким образом, речь идет о возвращении гражданских прав тем, кто был их лишен. В результате у переводчика появляется некоторая неточность: он заставляет Ксенофонта говорить о *полной* амнистии (весьма сильное выражение), в действительности же на тех, кто подвергся изгнанию, она не распространялась, как мы сейчас увидим.

⁶ Как известно, в речах афинских ораторов встречается немало вставленных документов, которые часто используются специалистами как источник для изучения различных аспектов афинской правовой жизни рассматриваемого периода. Существует школа в изучении этих памятников, исповедующая ту крайнюю точку зрения, согласно которой *все* документы такого рода являются неаутентичными, а поэтому в качестве источника привлекаться не должны и не могут (Canevaro 2013; Harris 2021; применительно конкретно к данной речи Андокида – Canevaro, Harris 2012). Но совершенно не обязательно безоговорочно присоединяться к этому мнению. К тому же после цитирования постановления Андокид уже в своем собственном (то есть безусловно аутентичном) тексте упоминает его ключевой пункт (см. ниже), а он-то для нас и важен.

не приняли такого решения (οὐτε Πατροκλείδης εἶπε κατιέναι οὐθ' ὑμεῖς ἐψηφίσασθε)» (Ibid. I. 80)⁷.

Исторический контекст данной амнистии был следующим. Завершалась Пелопоннесская война, и явно не в пользу афинян. После вышеупомянутого поражения при Эгоспотамах их город был осажден спартанскими силами с суши и с моря, дело шло к катастрофе, и ее, несмотря ни на что, впоследствии так и не удалось избежать: в 404 г. до н. э. Афины потерпели полное поражение, капитулировали.

Тогда-то была проведена вторая амнистия. Ее продиктовали победители-спартанцы. Содержание ее источники (Xen. Hell. II. 20; Andoc. I. 80; III. 11–12; Plut. Lysand. 14) передают с полным единодушием: изгнанники (речь идет прежде всего о политических изгнанниках, в большинстве своем противниках существующего политического устройства) получили право возвратиться в Афины. Эта мера стасиса в афинском полисе не прекратила, а только усугубила, и вскоре установился кровавый, репрессивный режим «Тридцати тиранов» (о нем написано немало, но прежде всего см. монографическое исследование: Krentz 1982).

По всей видимости, спартанский полководец Лисандр, главный герой последнего периода Пелопоннесской войны (Lotze 1974) – это он принес победу своему государству и после того несколько лет воспринимался как самый могущественный человек во всей Элладе⁸, – рассчитывал именно на такие последствия навязанной им афинянам амнистии: она позволяла еще больше ослабить ненавистные ему Афины. Ведь на родину теперь вернулись решительные враги афинской демократии, олигархи-лаконофилы, подвергшиеся изгнанию в разное время. Среди этих лиц находилась, в частности, и такая зловещая фигура, как Критий (см. о нем: Ungern-Sternberg 2000; Danzig 2014; Herrmann 2017; Gottesman 2020), будущий лидер Тридцати.

Возглавлявшийся им режим, впрочем, не продержался и года. После того как правящая коллегия прибегла к настоящему государственному террору (Wolpert 2006; Wolpert 2019), в ходе которого казнили фактически без каких-либо юридических формальностей не только политических противников «Тридцати тиранов», но и совершенно ни в чем не повинных, аполитичных людей из числа состоятельных с целью конфисковать их имущество и тем пополнить казну, в афинском полисе вспыхнула, как отмечалось и выше, полномасштабная гражданская война с реально ведущимися боевыми действиями, то есть стасис достиг своего наивысшего накала.

⁷ Андокид цитируется в переводе Э.Д. Фролова.

⁸ В некоторых ионийских полисах он был даже при жизни обожествлен (Flower 1988; Muccioli 2005; Beck-Schachter 2016) – первый в греческом мире и долго (до Филиппа II Македонского) остававшийся единственным случай такого рода.

Как известно, демократы, предводительствуемые Фрасибулом (Buck 1998), одержали верх. После падения режима Тридцати и имевшего переходный характер правления так называемых Десяти в 403 г. до н. э. восстановленная демократия провела, наверное, самую знаменитую из всех афинских амнистий. Да и не только афинских, да и вообще из всех имевших место в античности; уже Цицерон прославил ее как *Atheniensium vetus exemplum*⁹ (Cic. Phil. I. 1. 1). Естественно, об этой амнистии существует немалая литература; неоднократно упоминавшаяся выше монография К. Джойса открывается полезным историографическим очерком (Joyce 2022. Р. 3–11). Посвященные событию работы имеют разную направленность; одни из них содержат детальный фактологический, сугубо позитивистский анализ всех нюансов, связанных с заключением соглашения о примирении, с его формулировками и т. п. (например: Loening 1987), в других обращение к теме амнистии служит поводом для широких обобщений историко-культурного характера (например: Loraux 1997).

В предпоследнем по времени (последнее принадлежит как раз Джойсу) монографическом исследовании по данной проблематике Э. Кэрэуэн (Sarawan 2013) демонстрирует подход к интерпретации афинской амнистии, который можно охарактеризовать как прагматический. По мнению этого исследователя, имел место просто «контракт» между двумя сторонами («городской» и «пирейской», т. е., соответственно, приверженцами олигархии и сторонниками демократии), имевший целью восстановление мира и стабильности в государстве. Ни на какие моральные принципы договоренность не опиралась и, более того, впоследствии она не столь уж строго соблюдалась: хотя согласно акту об амнистии запрещалось возбуждать судебные процессы политического характера по деяниям, имевшим место в период олигархии Тридцати (да и не только), иски такого рода тем не менее периодически поступали в дикастерии, и суды проходили.

Что же касается К. Джойса, он на протяжении всего своего труда решительно полемизирует с этой точкой зрения и противопоставляет ей собственный подход, который, пожалуй, мы назвали бы «романтическим». Ученый считает, что амнистия 403 г. до н. э. являлась делом отнюдь не прагматики, а глубокого этико-политического принципа: ее целью было восстановление законности после того, как произошло ее грубое попрание репрессивным режимом «Тридцати тиранов». Речь идет о том, что в англоязычной литературе обозначается выражением *rule of law* («власть закона» или «верховенство права»). Имел место акт доброй воли, а глав-

⁹ Это выражение даже вынесено в заголовок одной из статей о рассматриваемой амнистии (Scheibelreiter 2013).

ное – принятое сторонами решение затем неукоснительно ими соблюдалось. Именно этот последний тезис обосновать особенно трудно, в чем мы вскоре убедимся.

* * *

Условия амнистии 403 г. до н. э. наиболее полно передают два источника. Во-первых, это уже упоминавшаяся речь Андокида «О мистериях», а во-вторых – «Афинская полития» Аристотеля. По поводу последней следует сказать, что после ее открытия в конце XIX в. гораздо легче стало составить правильное понятие об амнистии. Имеет смысл привести оба свидетельства.

Andoc. I. 90 (формулировка клятвы, которую принесли граждане): «И не буду помнить зла ни на кого из граждан, за исключением Тридцати, Десяти и Одиннадцати; и даже из них ни на кого, кто пожелает представить отчет в исполнении той должности, которую он занимал (καὶ οὐ μνησικακήσω τῶν πολιτῶν οὐδενὶ πλὴν τῶν τριάκοντα καὶ τῶν δέκα καὶ τῶν ἑνδεκα· οὐδὲ τούτων ὅς ἂν ἐθέλῃ εὐθύνας δίδόναι τῆς ἀρχῆς ἧς ἤρξεν)».

Arist. Ath. pol. 39. 6: «За прошлое никто не имеет права искать возмездия ни с кого, кроме членов коллегий Тридцати, Десяти, Одиннадцати и правителей Пирея, да и с них нельзя искать, если они представляют отчет (τῶν δὲ παρεληλυθότων μηδενὶ πρὸς μηδένα μνησικακεῖν ἐξεῖναι, πλὴν πρὸς τοὺς τριάκοντα καὶ τοὺς δέκα καὶ τοὺς ἑνδεκα καὶ τοὺς τοῦ Πειραιεύς ἄρξαντας, μηδὲ πρὸς τούτους, ἐὰν διδῶσιν εὐθύνας)»¹⁰.

Между двумя сообщениями имеются некоторые небольшие расхождения, но в основном данные Андокида и Аристотеля сходятся, так что общий дух упоминаемой в них меры совершенно ясен. Как можно видеть, третья амнистия конца V в. до н. э. отличалась небывалой ранее гуманностью. Из нее исключались только официальные руководители свергнутого режима, те, кто в наибольшей степени обогрил свои руки кровавыми злодеяниями, – в общей совокупности каких-нибудь несколько десятков человек. Да даже и любой из них мог попытаться избежать наказания, пойдя на сдачу отчета и попытавшись доказать, что он лично к преступлениям непричастен.

Против же всех остальных граждан настрого, под угрозой смертной казни, запрещалось возбуждать судебные процессы политического характера. Афиняне хорошо понимали, что за период смут многие (причем из обоих лагерей!) натворили нехороших дел, и для успокоения умов

¹⁰ «Афинская полития» Аристотеля цитируется в переводе С.И. Радцига.

теперь об этом лучше забыть, а не сводить счеты. Особенно настаивал на соблюдении соглашения Архин, один из лидеров новой демократии: «когда кто-то из возвратившихся (в Афины ранее бежавших демократов. — *И. С.*) начал искать возмездия за прошлое, он велел арестовать его и, приведя в Совет, убедил казнить без суда... После его казни уже никто никогда потом не искал возмездия за прошлое» (*Arist. Ath. pol.* 40. 2).

Именно поэтому, кстати, процессы 399 г. до н. э. против философа Сократа и оратора Андокида, хотя фактически и имели политическую подоплеку, проводились по обвинениям с религиозными формулировками. Суд над Сократом широко известен, о суде над Андокидом знают в основном специалисты, но они имели немало общего между собой (правда, Андокид, в отличие от Сократа, был оправдан). Похоже даже, что Мелет, обвинитель Сократа, и Мелет, обвинитель Андокида, — одно и то же лицо (*Суриков 2011. С. 300–303*). Сторонники восстановленной демократии испытывали и к оратору, и к философу неприязненные чувства за их связи с антидемократическими силами (Сократ был учителем Крития, да еще и Алкивиада, которого демократы тоже винили во многих своих бедах, Андокид же в 415 г. до н. э. состоял в одной из олигархических гетерий; см.: *Furley 1996*).

Но на судебных процессах, имевших место непосредственно после амнистии, необходимо остановиться подробнее. В книге К. Джойса весьма большое место занимает анализ нескольких таких процессов рубежа V–IV вв. до н. э., на которые ссылаются специалисты, считающие, что акт об амнистии обходился и в суды все-таки поступали иски (в том числе и политического характера) по деяниям, совершенным до 403 г. до н. э. Джойс видит свою цель в том, чтобы опровергнуть данный тезис, и нам сейчас предстоит разобраться с тем, насколько ему это удалось.

Вначале речь заходит о процессе Никомаха (399 г. до н. э.), для которого была написана XXX речь Лисия. Секретарь Никомах, в этой речи обвиняющийся в многочисленных нарушениях, являлся одним из ключевых членов комиссии по пересмотру законов. Последняя впервые была учреждена еще после ликвидации олигархии Четырехсот в 411 г. до н. э.¹¹, ее работа продолжалась до переворота Тридцати, а после реставрации демократии возобновилась. К. Джойс обоснованно утверждает, что на суде Никомаху вменялись в вину злоупотребления, допущенные им не в первый, а во второй период функционирования комиссии, то есть уже после амнистии, которая, таким образом, не нарушалась.

¹¹ Начало законодательной реформы, как правило, связывают с полным восстановлением демократического правления в 410 г. до н. э. Однако, как справедливо уточнил М. Финли (*Finley 1971. P. 10*), в действительности процесс начался несколько ранее, а именно тогда, когда существовал переходный режим Пяти тысяч — крайне мягкая олигархия, предельно близкая к умеренной демократии (*Marcassini 2013*).

Но это относительно несложный случай (потому-то вопрос и решается так легко), чего отнюдь не скажешь о рассматриваемом далее деле Андокида, поступившем в дикастерий примерно тогда же; главный источник о нем – защитительная речь самого обвиняемого, видного оратора («О мистериях», речь I). История Андокида, напротив, является необыкновенно запутанной (наиболее детально она изложена в: Furley 1996). В 415 г. до н. э. он, будучи еще молодым человеком, оказался под арестом в ходе следствия о повреждении герм. В тюрьме Андокид сделал донос, признав свою причастность к группе, совершившей преступление (но не к самому преступлению), и назвав имена ее членов, за что был помилован. Однако уже вскоре последовала псефисма Исотимида (Андок. I. 71), предписывавшая «лишать доступа в храм тех, кто совершил нечестие и признался в этом (εἰργεσθαι τῶν ἱερῶν τοὺς ἀσεβήσαντας καὶ ὁμολογήσαντας)». Хотя имя Андокида в постановлении не упоминалось, но совершенно ясно, что иметься в виду мог только он и никто иной.

Фактически это была атимия (хотя и не полная, а частичная, но весьма серьезной степени), и Андокид покинул Афины. Вернулся он после примирения 403 г. до н. э., а через несколько лет был обвинен в том, что посещает храмы и, в частности, принимает участие в Элевсинских мистериях. На протяжении всей речи оратор подчеркивает, что он защищен амнистией. К. Джойс настаивает на том, что Андокид прибегает к злостной инсинуации, а в действительности по отношению к нему должен был действовать принцип *res iudicata*: его-де осудили за религиозное преступление, и приговор оставался в силе (вынесенные ранее судебные приговоры амнистия действительно запрещала пересматривать). Не можем не заметить, что ученый не вполне верно понимает ситуацию: судом Андокид был освобожден от ответственности (за то, что выступил в роли информатора), а атимия подвергнут, повторим, псефисмой Исотимида. Последняя же, естественно, являлась не приговором, не судебным, а законодательным актом: до пересмотра законодательства, о котором упоминалось выше, не делалось никакой разницы между законом и псефисмой, любая псефисма являлась законом. На момент же суда над оратором уже было проведено предельно четкое разделение между ними; таким образом, постановление, из-за которого пострадал Андокид, законом быть перестало.

Таким образом, принцип *res iudicata* здесь ни при чем, и «в сухом остатке» имеем следующее: политические противники Андокида возбудили иск против него, не имея на то ни оснований, ни права, и амнистия их не остановила. Суд оправдал обвиняемого, но это отдельный вопрос, сам же процесс, как видим, оказался возможен. Мы убеждаемся (и далеко не в последний раз), насколько все-таки невероятно трудно доказать,

как пытается Джойс, что к амнистии афиняне относились с максимальной серьезностью, строго и неукоснительно ее соблюдали.

Далее перед нами предстает новая пара политических процессов конца V в. до н. э. Теперь это суды над Агоратом (XIII речь Лисия) и Эратосфеном (XII речь Лисия). Ситуация близка к предыдущей в том плане, что второй из этих случаев является крайне простым, а первый – предельно сложным (пожалуй, самым сложным из имеющихся). На нем поэтому придется остановиться подробнее, в то время как о процессе Эратосфена кратко скажем, что он никакой проблемы вообще не представляет: ведь обвиняемый являлся одним из членов коллегии Тридцати, а на них амнистия не распространялась, как было специально оговорено вводящим ее актом (см. выше).

А вот процесс Агората – воистину главный камень преткновения, который волей-неволей должен пытаться как-то обойти каждый, кто уверен в строгом соблюдении амнистии в ближайшие годы после ее провозглашения. Дело носило ярко выраженный политический характер и касалось событий, имевших место до 403 г. до н. э.: Агорат, афинянин низкого социального происхождения, в период, когда афиняне уже проиграли Пелопоннесскую войну, а олигархия Тридцати еще не установилась, но всё уже шло к тому, донес на группу влиятельных граждан, являвшихся убежденными сторонниками демократии и выступавших против позорного мира со Спартой. Те были арестованы, а вскоре пришедшими к власти Тридцатью казнены. Родственник одного из них, Дионисодора¹², выступал теперь обвинителем Агората (которому инкриминировалось не более и не менее, как убийство) и клиентом Лисия, написавшего ему речь в качестве логографа. Кстати, из самой этой речи известно: обвиняемый утверждал, «что он привлечен к суду вопреки клятвам и договорам (ὥς παρὰ τοὺς ὀρκούς καὶ τὰς συνθήκας ἄγωνίζεται)» (Lys. XIII. 88)¹³.

И действительно, Агорат никаким образом не принадлежал к лицам, на которых амнистия не распространялась, и как отмечает сам К. Джойс, суд над ним «озадачивал современных интерпретаторов, главным образом потому что на первый взгляд он оказывается нарушением условий амнистии» (Joosse 2022. P. 130). В дальнейшем исследователь прилагает все возможные усилия, стремясь показать, что серьезного нарушения все-таки не было. Для Агората, дескать, могли сделать исключение, поскольку уж слишком вопиющим было его преступление. Здесь налицо «неопределенная ситуация (*grey area*), порождавшаяся... вопросом о том, как поступать с преступниками, чьи деяния имели настолько общественный характер, что, даже если эти люди не входили в коллегии

¹² Дионисодор на момент ареста был одним из таксиархов (Develin 2003. P. 181).

¹³ Лисий цитируется в переводе С.И. Соболевского.

Тридцати, Десяти или Одиннадцати, правовой принцип, исключавший (из амнистии. – *И. С.*) членов этих коллегий, следовало распространить также на других общественных преступников (*public criminals*)» (Joyce 2022. P. 138).

Сформулировано сложно, замысловато и, скажем прямо, не очень убедительно. Какими бы мерзкими ни были Агорат¹⁴ и его поступок – это нюансы этического характера, которые неуместно примешивать к вопросу чисто юридическому: подпадал ли этот человек под амнистию? Ясно, что подпадал – все исключения из нее были исчерпывающим образом перечислены в акте 403 г. до н. э., – но под судом все-таки оказался, то есть был искусственно притянут к группе исключенных. Если тут и можно говорить о каком-то «правовом принципе», то разве что о том, который заявил о себе во весь голос (в самом прямом смысле) на скандальном процессе стратегов-победителей 406 г. до н. э.: «когда же некоторые из пританов заявили, что не могут предлагать народу противозаконное голосование, Калликсен, взойдя на трибуну, предложил включить и их в число обвиняемых. Народ громко закричал, чтобы отказывающиеся ставить на голосование были тоже привлечены к суду...» (Xen. Hell. I. 7. 14–15).

Последняя пара процессов, рассмотренная К. Джойсом, – процесс Каллимаха (XVIII речь Исократ) и процесс Сократа. И здесь перед нами тоже бинарная оппозиция – простой случай против сложного. Что касается малоизвестного дела Каллимаха, оно к амнистии не имело никакого отношения, а если Исократ в своей речи периодически к ней апеллирует, то только как к некоему моральному образцу; это Джойсу удастся доказать вполне убедительно. А вот при интерпретации суда над философом он прибегает к довольно интересной стратегии, которую необходимо рассмотреть.

Ученый отрицает политический характер процесса Сократа, не согласен с тем, что его судили фактически за антидемократические убеждения, за близость к лидерам олигархических гетерий конца Пелопоннесской войны и т. п. Мы должны помнить, настаивает К. Джойс, что Сократ попал под суд по *γραφῇ ἁσεβείας* и, таким образом, с правовой точки зрения его процесс имел религиозный, а не политический характер. Фор-

¹⁴ Если он действительно был таким мерзким, каким рисует его Лисий. В последнее время проделана значительная работа в области исследования того, с каким непревзойденным, виртуозным мастерством афинские судебные ораторы умели до предела очернять своих оппонентов, как, например, Эсхин – Тимарха (Kapparis 2024) или Демосфен – Конона (Lentakis 2024). Агорат же, что бы там ни говорить, в 411 г. до н. э., в период режима Четырехсот, действительно участвовал в убийстве лидера олигархов Фриниха, о чем стало известно из надписи (IG. P. 102. 26–27), хотя Лисий решительно отрицает это (Lys. XIII. 70). А в 403 г. до н. э. он участвовал в демократическом сопротивлении Фрасибула практически с самого начала, с «периода Филы», и это вынужден признать сам Лисий (Ibid. 77).

мально это так, но против подобной позиции можно привести немало возражений. Сократ много лет исповедовал свои нетрадиционные религиозные взгляды, нисколько их не скрывая, так почему же его «вдруг» решили судить за них? И ведь именно тогда, когда ввиду амнистии ему нельзя было предъявить прямого политического обвинения.

Тенденция не видеть «политического измерения» суда над Сократом проявлялась и раньше. Р. Уотерфилд в чрезвычайно ценной статье об этом событии, рассмотрев некоторые попытки такого рода, констатирует: «Отрицать... что обвинения против Сократа были политическими по своей природе, — это значит игнорировать то, что мы знаем об афинской правовой системе в целом и о других процессах по делам о нечестии в частности» (Waterfield 2012. Р. 278). И далее, рассмотрев вопрос с большей степенью детализации, выражается еще решительнее: «Этот процесс, как и другие процессы по делам о нечестии, был явно политическим процессом» (Ibid. Р. 287). Посредством судебных механизмов сторонники демократии боролись с ее суровым критиком¹⁵. Таким образом, и тут мы убеждаемся в том, что К. Джойс, дабы отстоять свой тезис, вынужден прибегать к откровенным натяжкам.

Этот исследователь рассматривает афинскую амнистию 403 г. до н. э. в сопоставлении с амнистиями, имевшими место в других полисах в классический и эллинистический периоды. Выявляется, что среди этих амнистий, безусловно, было немало таких, которые принимались по чисто прагматическим соображениям, как «орудие борьбы группировок (*instrument of faction*)» (Joyce 2022. Р. 203), и в дальнейшем победители в этой борьбе не только не соблюдали их строго, но и допускали их грубейшие нарушения. Однако исследователь продолжает настаивать на том, что в Афинах конца V в. до н. э. дело обстояло иначе, результатом благополучного завершения гражданской войны стало утверждение (точнее, восстановление, что для Джойса принципиально) «власти закона» в этом государстве в следующем столетии. Резюмирует он так:

¹⁵ Оппозиционность Сократа по отношению к античной демократии в современной литературе часто пытаются затушить, пишут, что он в целом был доброжелательно расположен к этому строю и лишь подвергал дружеской «критике изнутри» отдельные его черты. Такой точки зрения, в частности, придерживался Г. Властос — автор одной из лучших книг об этом философе (Vlastos 1991. Р. 48–49). Справедливо указывает на уязвимость такой позиции тот же Р. Уотерфилд (Waterfield 2012. Р. 293), констатируя, что Сократ, напротив, жестко критиковал фундаментальные принципы античной прямой демократии, такие, как широкое применение жребия. Совсем недавно появилась монография (Malkin, Blok 2024), в которой более детально, чем когда-либо ранее, проанализировано применение жеребьевки в античной Греции и показано, насколько глубоко идея жребия пронизывала все ее общество. Идея эта исходит из представления о том, что все граждане равны, что каждый из них в той же мере, как и любой другой, может управлять государством. Иными словами, речь идет о подчеркнуто эгалитарной установке. Сократ принять ее не мог, поскольку выступал за то, что власть должна принадлежать специалистам.

«Судебные процессы, которые последовали за примирением, основывались на правовом, а не политическом принципе и находились в соответствии с условиями примирения» (Joyce 2022. Р. 216).

Как нам представляется (и как мы попытались продемонстрировать), именно этот тезис ученому и не удалось доказать: слишком много фактов ему прямо или косвенно противоречат, и эти факты К. Джойс не смог (да это и невозможно) примирить со своей точкой зрения. Мы видим и в самой афинской амнистии меру, продиктованную соображениями не абстрактно-правовыми, а политическими. И даже, если угодно, прагматическими, хоть они и столь нелюбезны Джойсу. В конструктивной прагматике ничего плохого нет. Афины были поражены тяжелейшей смутой, которая, как опасная болезнь, требовала исцеления (средством одного и стала амнистия). И в самой натуральной врачебной практике хорош тот доктор, который лечит больного, руководствуясь прагматическим побуждением («спасти человека!»), а не абстрактными принципами чистоты медицинской науки и т. п.

* * *

Наша полемика с К. Джойсом, занявшая значительное место в статье, не означает, естественно, что мы не согласны с ним ни в чем. Тезис о том, что после амнистии, в IV в. до н. э., «власть закона» в Афинах действительно существовала, вполне резонен (он в наибольшей степени разработан в классическом труде: Ostwald 1986). В Афинах наступил весьма долгий, восьмидесятилетний (до самой ликвидации демократии македонянами в 322 г. до н. э.) период завидной стабильности, отсутствия смут (Herman 1995). Иными словами, амнистия 403 г. до н. э. реально помогла справиться с тяжелейшим противостоянием, в то время как о предшествовавшей ей амнистии 404 г. до н. э. приходится сказать противоположное: в ее результате пламя раздора разгорелось сильнее.

Почему же амнистии в античной Греции могли достигать благой цели, но могли и ухудшать положение? Тут невозможно не припомнить о том, что древнегреческое общество в целом было чрезвычайно конфликтным. Все знают об «агональном духе» эллинов. Но ведь пресловутая агональность, когда каждый стремится первенствовать любой ценой, в сущности, и есть синоним конфликтности. Как отмечалось, в агональном социуме даже право не сглаживает конфликтов, а служит средством их выражения (Cohen 1991. S. 155). И всем членам такого социума необходимо было сделать над собой усилие, чтобы достичь компромисса; в 403 г. до н. э. эта необходимость была осознана, поскольку единственной альтернативой являлось взаимоистребление. В заключение сформулируем следующее наблюдение: не разряжает ситуации, а приводит к ее обо-

стрению такая амнистия, которая навязана внешней силой, а не выросла из внутренних потребностей данного общества.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Суриков И.Е. Сократ. М., 2011. [Surikov I.E. Sokrat (Socrates). Moscow, 2011.]
- Суриков И.Е. Афины в периоды смут и в периоды стабильности: некоторые сравнительные наблюдения // Древний мир: история и археология. Сборник научных статей / Под ред. Ф.А. Михайловского. М., 2022. С. 218–228. [Surikov I.E. Afiny v periody smut i v periody stabil'nosti: nekotorye komparativnye nablyudeniya (Athens in the Periods of Sedition and in the Periods of Stability: Some Comparative Observations) // Drevniy mir: istoriya i archeologia. Sbornik nauchnykh statey / Pod red. F.A. Mikhailovsky. Moscow, 2022. S. 218–228.]
- Суриков И.Е. Амнистия как средство разрешения конфликта и как средство эскалации конфликта (несколько эпизодов из истории классических Афин) // ВЕДС. 2023. [Вып.] XXXV: Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений. С. 184–188. [Surikov I.E. Amnistiya kak sredstvo razresheniya konflikta i kak sredstvo eskalatsii konflikta (neskol'ko epizodov iz istorii klassicheskikh Afin) (Amnesty as a Means of Settlement of a Conflict and as a Means of Escalation of a Conflict: Several Episodes from the History of Classical Athens) // Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekov'ye. XXXV: Rol' religii v formirovanii sotsiokul'turnykh praktik i predstavleniy. Moscow, 2023. S. 184–188.]
- Суриков И.Е. Из истории афинских олигархических переворотов конца V в. до н. э. I: Пелопоннесская война и внутривосточное положение в Афинах // Проблемы истории, филологии, культуры. 2024. № 1 (83). С. 134–151. [Surikov I.E. Iz istorii afinskikh oligarkhicheskikh perevorotov kontsa V v. do n.e. I: Peloponnesskaya voyna i vnutripoliticheskoe polozhenie v Afinakh (From the History of Athenian Oligarchic Coups d'État in the Late 5th Century B.C. I: The Peloponnesian War and Internal Situation in Athens) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2024. No. 1 (83). S. 134–151.]
- Beck-Schachter A.J. The Lysandreaia // Myth, Text, and History in Sparta / Ed. T. Figueira. Piscataway, 2016. P. 105–167.
- Buck R.J. Thrasybulus and the Athenian Democracy: The Life of an Athenian Statesman. Stuttgart, 1998.
- Canevaro M. The Documents in the Attic Orators: Laws and Decrees in the Public Speeches of the Demosthenic Corpus. Oxford, 2013.
- Canevaro M., Harris E.M. The Documents in Andocides' *On the Mysteries* // CQ. 2012. Vol. 62. P. 98–129.
- Carawan E. Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1987. Vol. 28. No. 2. P. 167–208.

- Carawan E.* The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law. Oxford, 2013.
- Cataldi S.* I processi agli strateghi ateniesi della prima spedizione in Sicilia e la politica cleoniana // *Processi e politica nel mondo antico* / Ed. M. Sordi. Milano, 1996. P. 37–63.
- Cohen D.* Demosthenes' Against Meidias and Athenian Litigation // *Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte* / Ed. M. Gagarin. Köln, 1991. P. 154–164.
- Danzig G.* The Use and Abuse of Critias: Conflicting Portraits in Plato and Xenophon // *CQ*. 2014. Vol. 64. No. 2. P. 507–524.
- Develin R.* Athenian Officials 684–321 B.C. Cambridge, 2003.
- Dreher M.* Die Herausbildung eines politischen Instruments: Die Amnestie bis zum Ende der klassischen Zeit // *Vergeben und Vergessen? Amnestie in der Antike* / Ed. K. Harter-Uibopuu, F. Mitthof. Wien, 2013. S. 71–94.
- Finley M.I.* The Ancestral Constitution. Cambridge, 1971.
- Flower M.A.* Agesilaus of Sparta and the Origins of the Ruler Cult // *CQ*. 1988. Vol. 38. No. 1. P. 123–134.
- Furley W.D.* Andokides and the Herms: A Study of Crisis in Fifth-Century Athenian Religion. L., 1996.
- Gish D.* Defending *dēmokratia*: Athenian Justice and the Trial of the Arginusae Generals in Xenophon's *Hellenica* // *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry* / Ed. F. Hobden, C. Tuplin. Leiden; Boston, 2012. P. 161–212.
- Gottesman A.* The *Sōphrosynē* of Critias: Aristocratic Ethics after the Thirty Tyrants // *Early Greek Ethics* / Ed. D.C. Wolfsdorf. Oxford, 2020. P. 243–261.
- Hansen M.H.* The Concepts of *Demos*, *Ekklesia*, and *Dikasterion* in Classical Athens // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2010. Vol. 50. P. 499–536.
- Harris E.* The Work of Craterus and the Documents in the Attic Orators and in the "Lives of the Ten Orators" // *Klio*. 2021. Bd. 103. Ht. 2. S. 463–504.
- Hefner H.* Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v. Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen. Frankfurt am Main, 2001.
- Herman G.* Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* / Ed. W. Eder. Stuttgart, 1995. P. 43–60.
- Herrmann F.-G.* Hat Kritias nach Spartas Pfeife getanzt? // *Das antike Sparta* / Ed. V. Pothou, A. Powell. Stuttgart, 2017. S. 133–155.
- Joyce C.J.* Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy. Edinburgh, 2022.
- Kapparis K.* The Curious Case *Against Timarchus*: Rhetoric and Prejudice // *Evidence and Proof in Ancient Greece* / Ed. C. Carey, M. Edwards, B. Griffith-Williams. Cambridge, 2024. P. 65–78.

- Krentz P. The Thirty at Athens. Ithaca, 1982.
- Lehmann G.A. Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? / Ed. W. Eder. Stuttgart, 1995. S. 139–150.
- Lentakis V. Reshuffling the Evidence: A Reading of Demosthenes 54 *Against Conon* // Evidence and Proof in Ancient Greece / Ed. C. Carey, M. Edwards, B. Griffith-Williams. Cambridge, 2024. P. 55–63.
- Loening T.C. The Reconciliation Agreement of 403/2 B.C. in Athens. Stuttgart, 1987.
- Loraux N. La cité divisée: L’oubli dans la mémoire d’Athènes. P., 1997.
- Lotze D. Lysander und der Peloponnesische Krieg. B., 1964.
- Malkin I., Blok J. Drawing Lots: From Egalitarianism to Democracy in Ancient Greece. Oxford, 2024.
- Marcaccini C. Rivoluzione oligarchica o restaurazione della democrazia? I Cinquemila, la πρόκρισις e la patrios politeia // Klio. 2013. Bd. 95. Ht. 2. S. 405–428.
- Marr J.L., Rhodes P.J. The ‘Old Oligarch’: The Constitution of the Athenians Attributed to Xenophon. Oxford, 2015.
- Muccioli F. Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18 // The Statesman in Plutarch’s Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Vol. 2: The Statesman in Plutarch’s Greek and Roman Lives / Ed. L. de Blois, J. Bons, T. Kessels, D.M. Schenkeveld. Leiden; Boston, 2005. P. 199–213.
- Natalicchio A. “Μὴ μνησικακεῖν”: l’amnistia // I Greci: Storia, cultura, arte, società / Ed. S. Settis. Vol. 2. II. Torino, 1997. P. 1305–1322.
- Osborne R. Changing the Discourse // Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece / Ed. K.A. Morgan. Austin, 2003. P. 251–272.
- Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986.
- Rhodes P.J. Thucydides and Athenian History // Brill’s Companion to Thucydides / Ed. A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden, 2006. P. 523–546.
- Rhodes P.J. Instability in the Greek Cities // Deformations and Crises of Ancient Civil Communities / Ed. V. Goušchin, P.J. Rhodes. Stuttgart, 2015. P. 27–47.
- Scheibelreiter P. *Atheniensium vetus exemplum*: Zum Paradigma einer antiken Amnestie // Vergeben und Vergessen? Amnestie in der Antike / Ed. K. Harter-Uibopuu, F. Mitthof. Wien, 2013. S. 95–126.
- Simmons R.H. Demagogues, Power, and Friendship in Classical Athens: Leaders as Friends in Aristophanes, Euripides, and Xenophon. L., 2023.
- Ungern-Sternberg J. von. ‘Die Revolution frißt ihre eignen Kinder’: Kritias vs. Theramenes // Große Prozesse im antiken Athen / Ed. L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg. München, 2000. S. 144–156.
- Vlastos G. Socrates, Ironist and Moral Philosopher. Ithaca, 1991.

- Waterfield R.* Xenophon on Socrates' Trial and Death // *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry* / Ed. F. Hobden, C. Tuplin. Leiden; Boston, 2012. P. 269–305.
- Wolpert A.* The Violence of the Thirty Tyrants // *Ancient Tyranny* / Ed. S. Lewis. Edinburgh, 2006. P. 213–223.
- Wolpert A.* Xenophon on the Violence of the Thirty // *Xenophon on Violence* / Ed. A. Kapellos. B.; Boston, 2019. P. 169–187.
- Youni M.S.* Use and Abuse of Evidence in the Herms and Mysteries Cases // *Evidence and Proof in Ancient Greece* / Ed. C. Carey, M. Edwards, B. Griffith-Williams. Cambridge, 2024. P. 40–54.

Igor E. Surikov

THE INTERNAL CONFLICT IN LATE FIFTH CENTURY BC ATHENS AND AMNESTIES AS A MEANS OF ITS SETTLEMENT

Athens suffered a very profound internal conflict in the late 5th century B.C. It went on between supporters of democracy and its adversaries (oligarchs), reached high degree of tension, and eventually (in 404–403 B.C.) took the form of a full-scale civil war. In the context of the conflict, the State resorted to amnesty several times. However, amnesty can be not only a means of settlement of a conflict, but also a means of its escalation; that depends on the set of specific conditions. Such a situation took place in the Athenian polis of the period in question: the 404 B.C. amnesty only intensified the struggle, but of quite a different effect was the 403 amnesty, after which there came a very long (till the very elimination of democracy by the Macedonians in 322 B.C.) period of stability and absence of disturbances. It is this amnesty that is analyzed in the article in most detail; in particular, a question is posed whether it was dictated by legal or political reasons. The latter of the two answers seems to be more probable. The article cites data on some court trials, which took place immediately after the amnesty and presented attempts to circumvent it. Among such trials there was a well-known trial of Socrates; although in recent historiography a trend is noticeable to deny its latent connection with politics (formally, the philosopher was accused of religious crimes), in fact the source evidence gives good cause to assert that Socrates' enemies prosecuted him first and foremost as a political opponent, for he criticized strongly the democracy of his time. In conclusion, an idea is expressed that an amnesty which is pressed on by an external power and does not grow out of internal needs (such was the case of the 404 amnesty) does not relieve tension but leads to its aggravation.

Keywords: classical Greece, Athens, conflict, amnesty, democracy, oligarchy, court trials

DOI: 10.32608/1560-1382-2025-46-9-27